

Максим Горький

У Схимника

Максим Горький

У Схимника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22119098

Аннотация

«...По каменной лестнице, узкой и темной, сдавленной сырыми стенами, еле освещенными дрожащим светом лампы в руке сопровождавшего меня монастырского послушника, я спустился в склеп под полом церкви и, когда почувствовал, что лестница кончена, остановился, охваченный смущением и тяжелым сырым воздухом этой каменной могилы. Молчаливый послушник, весь в черном, с сухим и желтым лицом аскета, которое он почему-то всё старался не показывать мне, протянул вперед руку с лампой, и свет, упавший в угол склепа, обрисовал прежде всего дубовую крышку гроба, приставленную к серой стене... Дотом я увидел низенький аналой с закрытой книгой на нем; медные застёжки книги блестели, как чьи-то глаза, безучастные и созерцающие...»

Максим Горький

У Схимника

Эскиз

...По каменной лестнице, узкой и темной, сдавленной сырыми стенами, еле освещенными дрожащим светом лампы в руке сопровождавшего меня монастырского послушника, я спустился в склеп под полом церкви и, когда почувствовал, что лестница кончена, остановился, охваченный смущением и тяжелым сырým воздухом этой каменной могилы.

Молчаливый послушник, весь в черном, с сухим и желтым лицом аскета, которое он почему-то всё старался не показывать мне, протянул вперед руку с лампой, и свет, упавший в угол склепа, обрисовал прежде всего дубовую крышку гроба, приставленную к серой стене... Дотом я увидел низенький аналой с закрытой книгой на нем; медные застежки книги блестели, как чьи-то глаза, безучастные и созерцающие.

Раздался странный шорох, будто то шелестели сухие листья, – на полу у крышки гроба обрисовалась темная фигура, медленно поднимавшаяся кверху, а на стене, у которой мы стояли, зашевелилась тень, как бы исходящая из пола склепа.

– Богомолец... – глухо произнес послушник, низко кланяясь в угол, и звук его голоса родил на лестнице, по которой

мы спустились, сдавленное и краткое эхо.

– Оставь лампу... – прозвучал тихий и дрожащий старческий голос из угла склепа, прервался и после глубокого вздоха закончил: – И с миром иди.

– Подойдите ближе, – шёпотом сказал мне послушник, бесшумно согнулся, снова кланяясь подвижнику, и исчез, как тень.

Я оправился от смущения и освоился с воздухом, наполненным, кроме запаха сырых камней и земли, еще запахом ладана и масла, но все-таки дышать было трудно, сердце усиленно билось, и в голове раздавались глухие толчки.

Неверными шагами я пошел вперед пять шагов, опустился на колени перед гробом, стоявшим на полу, и склонил голову пред маленькой темной фигуркой, сидевшей в гробу.

– Благословение божие... с тобой, сыне мой...

Холодная костлявая и шероховатая рука дотронулась до моего лба, вызвав дрожь во всем теле, и снова склеп наполнился странным шелестом, уже замеченным мною раньше. Голос схимника дрожал и прерывался и как-то всхлипывал, произнося слова. Мне было холодно; сырость этого каменного погребца всасывалась в лет, и робость, постепенно связывая мой язык и мою волю, овладевала мной.

– Сядь вот тут... – снова дотронулся старик до моего плеча.

Не вставая с колен, я поднял голову, и глаза мои встретились с маленькими, живыми и блестящими глазами схимни-

ка, до того пытливо смотревшими в мое лицо, что я почти ощущал на себе их взгляд – точно кололи они меня легкими холодными уколами. Это было похоже на то ощущение, которое испытываешь, когда ветер бросает в вас кристаллики снега. Предо мной было длинное, фантастически худое старческое лицо, всё в морщинах, с заостренным и опустившимся к подбородку носом; нос и подбородок разделяла тонкая черта губ, провалившихся в беззубый рот. Черная материя схимы резко оттеняла всё это химеричное лицо. Свет лампы падал теперь прямо на фигуру старика и в его ложе.

Оно было наполнено стружками – я понял происхождение шелеста, – и к одежде подвижника тоже кое-где пристали стружки; они лежали на ней, как большие желтые черви на полуистлевшем трупe. Одна из них прилепилась на груди, как раз над белым пятном черепа, вышитого на схиме. Старик молчал, глядя на меня, одна рука его опиралась о край гроба, другая, дрожа, творила крестное знамение. В полу церкви было отверстие, закрытое железной решеткой, и в него видно было, как в церкви от огня лампад колеблется сумрак, наполняющий ее; в куполе ее сбоку в окно можно было, присмотревшись, видеть маленький кусочек неба.

– Откуда ты, сыне мой... пришел в обитель нашу? – спросил старик.

Он говорил немного в нос, и его подбородок при этом дрожал. Я пристально смотрел в его глаза, и меня смущал и удивлял их живой и спокойный блеск.

Восемнадцать ступенек вели в этот склеп, полный могильной сырости и тишины. Не менее семидесяти лет лежало на худых плечах старика-подвижника, и его кости, наверное, много впитали в себя ревматических болей из камней, в которых он заживо похоронил себя.

И несмотря на всю эту мрачную обстановку, каждой своей деталью символизировавшую смерть и полное отречение от жизни и мира, глаза старика так живы и так уверенно блестят, как они те блестят у меня и многих других, живущих в миру и на земле. Было в них много спокойного, ровным светом сияющего огня и много силы, покорявшей меня, опустившегося в эту яму из любопытства – из злого любопытства, в котором была и частица желания смутить мир души человека, отрекшегося от жизни.

Что же поддерживает в его полуистлевшем теле жизнь и чем питается огонь, сияющий в его глазах, – в его глазах, целый год лишенных солнечного света, ибо, как сказали мне монахи, он только раз в год выходит из-под земли – в светлый день воскресения Христа!

Чем живет этот человек, заживо положивший себя в гроб и в гробе живущий, – чего ради? Эти думы, как искры, вспыхивали в уме моем и гасли, и под взглядом старика сердце мое наполнялось щемящей тоскою.

А он говорил своим дрожащим голосом с паузами, вызываемыми его физической слабостью; но чем более говорил он, тем более лицо его оживлялось и тем ярче горели глаза.

Опустив голову, я покорно слушал его и старался подавить в себе мои мысли, старался сосредоточиться на смысле его слов, ибо я чувствовал, что, воспламенив в душе подвижника огонь и заставив его жить для меня, было бы нечестно мне не хотеть понять его речь. Он говорил сначала о том, что, видно, болит душа моя, если я в годах еще юных пошел странствовать по святым местам и ищу бесед с людьми, подобными ему; и голос его звучал наставнически кротко и важно. Я не могу, конечно, точно передать его речи, но (он говорил со мной, положив свою холодную и сухую руку на голову мне) общий смысл его слов хорошо оттиснулся в памяти моей. На земле в это время гудел колокольный звон; к нам под землю медные звуки чуть доносились, похожие на чьи-то тяжелые вздохи, раздававшиеся как бы из стен склепа. Сумрак, тяжелый и сырой, обнимал нас; лампа, поставленная на кирпич, выступивший из стены, горела тускло, и дверь из склепа на лестницу смотрела на меня, как чья-то черная пасть...

– Сыне мой! – говорил мне подвижник, – не падай духом, ибо всё скоропреходяще, и как за ночью всегда следует день, за мрачной тревогой души – верь мне – наступит спокойствие, и возродятся надежды...

– Не падай духом еще и потому, что человек ты есть и частицу бога вмещаешь в себе; не забывай это, и всегда в душе *gr̄nei* будет жить гордость первородством твоим на земле, а эта гордость не дает места отчаянию, и не будешь ты тогда

рабом жизни, а господином ее.

– Учись отличать временное от вечного, ибо всё, что во времени, не прочно, подлежит разрушению и смерти; душа же твоя-вечна, охраняй душу твою от растления, береги огонь ее и голоса ее слушай.

– Соразмеряй силу разума твоего с твердынею тайн жизни и с нежностью существа души твоей; не оскорбляй себя сомнением в родстве ее с господом, творцом всех и вся, создавшим и тебя, частицу мира, и в то же время целый мир. Ибо образ вселенной зависит от чистоты ума и чувства твоего; ибо всё существующее познается тобою чрез самого же себя.

– Держи сердце свое в чистоте, но и, загрязнив его, не отчаивайся, а вспомни, кто ты есть, и ты очистишься. В тебе всегда имеется искра великого огня, зажженного в душах людей десницею господи: не гаси же ее сомнением в самом себе и в бессилии твоём творить жизнь.

– Верь в великое назначение человека – существа, созданного богом для владычества на земле, для прославления имени его подвигами во славу его; верь, и возгорится сердце твое желанием жизни, дух твой воспрянет, жадной подвига запыхает грудь твоя. И не будет тебе равных на земле, ибо святые подвиги на пользу земли прославляют могущество Божие и делают человека владыкой жизни.

– Но если и отчаяние охватит сердце твое, не падай духом, сын мой, а борись с ним и воспитаешь в себе мужество; не

бойся и отчаяния и не говори о тоске твоего сердца с воплями боли, – радуйся страданию его, ибо оно к блаженству веры приведет тебя.

– И если бы даже презирал ты себя за слабость души твоей – не падай духом! От презрения твоего к самому себе другие выиграют и придут помочь тебе, видя, что ты не скрываешь от них того, что ты еще хуже, чем они.

– Человек – как бы низко ни пал он – всегда хочет быть лучше других, и не смотри на то, что пути, которыми он идет к этому, ложны. Цени желание его! Не унывай: есть жизнь – есть время сделать себя владыкою, ее. Цени желания твои, – они залог твоего успеха, и чем больше их, тем многообразнее жизнь твоя, тем ценнее ты для круговорота жизни.

– Помни: жив бог – жива душа твоя!

– Но если умер бог в сердце твоём – нет тебе спасения, и погибнешь ты, яко червь.

Вдруг что-то холодное и быстрое, как удар кнута, упало мне на руку, обнаженную по локоть. Настроенный мистически в этом склепе, под вдохновенные речи старика и под протяжные, печальные звуки звона колоколов, – я вскрикнул и вскочил на ноги в ужасе, от которого едва не потерял сознание. Помню колкий холод, пробежавший по моей коже с ног до головы, и никогда не забуду его; и помню гулкое эхо крика моего, долго раздававшееся в пустынных сводах церкви.

– Это ящерка, ящерка... Ш-ш! Где ты? Ах ты! Иди-ка, иди-ка сюда... говорил старик, роясь в стружках.

– Не бойся, человече, это безвредное божие создание, друг дней моих убогих. Вот ты... а... а... а..! Испугала человека! Нехорошо. Мышь еще навещает одиночество мое... Мышка.

– А вон и братия с богомольцами собирается на всеобщее бдение. Заговорит сейчас дом божий, а я, недостойный слуга его, буду, сидя здесь, вкушать сладость моления богу моему.

Через решетку в своде склепа из храма к нам упала широкая полоса мутного света, – упала и вдруг исчезла, точно погашенная сыростью этой могилы, и тотчас же снова явилась, осветив аналой и книгу на нем. Храм наполнился шорохом, и на решетку то и дело наступали ноги молящихся...

Раздался гулкий, переливчатый возглас диакона.

– С миром иди, сыне мой... Благословит тебя господь, отец наш...отпустил меня старец.

На последней ступеньке лестницы уже стоял послушник, подозрительно оглядывая меня.

– Возглас был... тревожный... – робко произнес он...

– Был, был... да... это ничего... С миром идите...

– Владыко дней моих! Пошли мне сил воздать тебе, господи, благодарственное моление мое за жизнь мою, щедрый дар благодати твоя!..раздался сзади меня молитвенный шёпот старого подвижника, благодарившего бога за жизнь в могиле и за отдых в гробу.

...Через полчаса я лежал у опушки монастырского леса в

тишине и вечернем сумраке на траве, уже покрытой росой, под шатром из ветвей старого дуба.

Из открытых окон храма, стоявшего в ста шагах от меня, несло в вечернее небо пение монахов.

Над самым храмом, высоко в небе, столпилась группа легких облаков, точно слушая молитвы на земле. Было тихо. Лес стоял неподвижно: ни один лист не дрожал над моей головой. На западе вспыхнула и затрепетала вечерняя звезда.

Передо мной в вечернем сумраке всё блестели ясные глаза человека, заживо схоронившего себя, и худое лицо его отчетливо рисовалось мне воображением моим.

Он был там, в земле, под храмом, в котором каждый день многие души, молясь, изнывали под тяжестью грехов своих, и мне казалось, что вся масса их страданий и скорбей падает сквозь отверстия в полу храма в сырой склеп подвижника, падает и давит собою дряхлое тело его. И он молится денно и ночью за этих людей, собирающихся в храме над ним, молится за них богу, господину своему, в силу и благость которого он непоколебимо верует, молится из-под земли и уверен, что молитва его дойдет до небес...

Я всегда ближе к небу, чем он, но зачем же душа моя дальше от господя, чем душа старика, схоронившего тело свое под землей?